

торы сужают значение заголовочного слова и тем самым уменьшают объем статьи. Автор выдвигает следующие критерии правильности дефинирования: 1) достаточность информации, обозначенной определяемым термином и 2) доступность формулировки для читателя. Эти условия не вызывают сомнений. Что касается порядка следования значений в энциклопедической статье, то первым, по мнению автора, должно располагаться наиболее актуальное значение. Соответственно устаревшее значение должно подаваться последним по порядку. Эти соображения нам представляются справедливыми. Глубокие и интересные наблюдения высказываются автором также по поводу методов

отсылки, элементов историзма в энциклопедии и по содержанию статьи.

Несмотря на спорность отдельных решений, работа А. Мельчарка представляется весьма ценной для лексикографов-теоретиков, лексикографов-практиков и для издателей. Автору удалось не только определить задачи энциклопедического лексикографии, но и указать на всю богатую проблематику данной области науки. Для того чтобы в дальнейшем более полно раскрыть некоторые из проблем (словник, толкование, полисемию и др.), потребуются специальные, более узкие монографические исследования. Путь к ним открыт трудом А. Мельчарка.

А. Е. Карпович

Л. Г. Скрипник. Фразеологія української мови. — Київ, «Наукова думка», 1973, 280 стр.

Украинская фразеология, если сравнивать ее с усиленно разрабатываемой русской и белорусской, оставалась до последнего времени наименее исследованной областью языкознания. Монография Л. Г. Скрипник успешно восполняет этот пробел и создает предпосылки для синтетического анализа фразеологического фонда восточнославянских языков. В этом труде дается достаточно полный обзор украинской фразеологии, анализируются структурно-грамматические и семантические аспекты ее функционирования, раскрываются источники ее происхождения. Опытный лексикограф-украинист, составитель и редактор многих словарей, Л. Г. Скрипник собрал огромный фактический материал, который обеспечивает объективность большинства теоретических выводов работы.

Структура книги, состоящей из 11 глав, отражает наиболее актуальные аспекты анализа фразеологических единиц (далее — ФЕ). В трех первых главах монографии определяются задачи фразеологии как лингвистической дисциплины (стр. 5—8), описываются основные лингвистические параметры ФЕ (стр. 9—12) и на украинском материале демонстрируются различные способы их классификации (В. В. Виноградова — Н. М. Шанского, Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского, С. Г. Гаврина, В. Л. Архангельского, М. Т. Тагиева — стр. 13—23). В IV главе (стр. 24—72) рассматриваются особые «жанровые разновидности» украинской паремии (пословицы, поговорки, крылатые слова). Особо исследуются проблемы взаимообусловленности содержания и формы ФЕ (гл. V, стр. 73—79), дается структурно-грамматическая типология ФЕ и выявляются их синтаксические функции (гл. VI, стр. 80—101), анали-

зируется их лексический состав (гл. VII, стр. 102—119). Большое место отведено вариативности (гл. VIII, стр. 120—148) и системным отношениям — прежде всего полисемии, синонимии и антонимии — в сфере фразеологии (гл. X, стр. 192—232). Очень детально описываются источники украинской фразеологии (гл. IX, стр. 149—191) и история ее изучения и лексикографического описания (гл. XI, стр. 233—274).

Л. Г. Скрипник придерживается традиционного взгляда на ФЕ, определяя последнюю как «лексико-грамматическое единство двух и более раздельно оформленных компонентов, грамматически организованных по модели словосочетания или предложения, единство, которое при наличии целостного значения воспроизводится в речи по традиции, автоматически» (стр. 11). Автор вслед за Н. М. Шанским и В. Л. Архангельским широко понимает фразеологию, в границы которой включаются не только устойчивые словосочетания, но и пословицы, поговорки и крылатые слова (стр. 69). Нужно сказать, однако, что в книге в основном анализируются устойчивые словосочетания.

Одна из задач работы — показать динамику фразеологической системы украинского языка. По мысли Л. Г. Скрипник, он проявляется в двух противоположных тенденциях: живое функционирование ФЕ, возникших в далеком прошлом, и постоянное обновление фразеологического фонда (стр. 185—186). Автору удалось показать этот динамизм, анализируя широкую вариативность ФЕ. Детальная классификация фразеологических вариантов опирается на обильный материал, собранный Л. Г. Скрипник как в литературных источниках, так и методом анкетирования.

Например, пословица *за морем телушка — полушка, та дорогий перевіз* записана в 50 лексико-грамматических вариациях в разных областях Украины (стр. 143)¹. Такие факты дают автору полное основание утверждать, что «стабильность внешней оболочки многих ФЕ не является абсолютной» (стр. 120). Автор предлагает разграничивать собственно грамматические (формальные) варианты и варианты парадигматические (стр. 136), выделяет лексико-грамматический, или смешанный, тип варьирования (стр. 141).

Для исторического анализа фразеологии большое значение имеет и учет синтаксических вариантов ФЕ, до недавнего времени проводившийся весьма спорадически. Л. Г. Скрипник тщательно исследует этот тип грамматической вариантности, аргументируя его активность многочисленными рядами «редуцированных вариантов» (стр. 137—140). В главе об источниках украинской фразеологии исследователь вновь обращается к этому типу вариантности, широко разработанному в свое время А. А. Потебней (стр. 178), чтобы показать его роль в создании фразеологических неологизмов (стр. 190—191).

Далеко не все приведенные примеры, однако, можно трактовать вслед за Л. Г. Скрипник как следствие редукции пословиц и поговорок. Так, обороты *ні кола ні двора*; *не всі дома* и *ні риба ні м'ясо*, как кажется, не являются «ужатыми» вариантами пословиц и поговорок *ні кола, ні двора*, *ні рогатого вола (один сиренський коток та на ший мотузок)*; *не всі дома*, половина *поїхала (пішли по дрова, поїхали на курай)*; *ні риба, ні м'ясо, а щось наче гриб (і в раки не годиться)* (стр. 140). Скорее всего это, наоборот, позднейшие развертывания приведенных ФЕ, на что указывает индивидуальный, спорадический характер приведенных вариантов, особенно заметный при обращении к материалу других славянских языков. Ср. белорусск. *ні кала ні двара*, русск. *ни кола ни двора*; белорусск. *не ўсе дома*, русск. *не все дома*, польск. *nie wszyscy w domu*, чеш. *netít všech doma*; белорусск. *ні рыба ні мяса*, русск. *ни рыба ни мясо*, польск. *ni ryba ni mięso*, чеш. *ani ryba ani rak*. Об исконности менее пространств вариантов ФЕ *ні кола ні двора* и *ні риба ні м'ясо* свидетельствует и характерная для подобных оборотов двучленная структура².

К сожалению, недооценка факта син-

таксического развертывания ФЕ вообще характерна для решения проблемы «контекст — фразеологизм — слово». Поэтому уже то, что Л. Г. Скрипник обращает внимание на случаи «уточнения, развития основной идеи фразеологизмов» [типа *Вік живи — вік учись (а дурнем умреш)*] — стр. 140] свидетельствует об объективном подходе к некоторым случаям синтаксической вариантности такого рода.

Большое внимание уделено в книге изучению лексической вариантности. Это и понятно: границы заменяемости компонентов ФЕ являются одновременно и гранью, отделяющей фразеологический вариант от фразеологического синонима. Отмечая, что большая группа лексических вариантов ФЕ возникает «вследствие взаимодействия слов одного предметно-логического класса или одного тематического ряда» (стр. 126—127), автор, как кажется, находит верный путь к решению проблемы границ синонима и варианта. Этот принцип, однако, не проводится последовательно: автор далее допускает возможность и «неупорядоченных с точки зрения лексической системы замен» компонентов ФЕ (стр. 128). Если признать такую возможность, то понятие лексического варианта станет весьма расплывчатым и дилемма «вариант: синоним» остается нерешенной.

Тезис о неупорядоченности лексических замен кажется спорным. Л. Г. Скрипник аргументирует его примерами вариаций оборота *ні богові свічка, ні чортові огарок (ладан, шпичка, кочерга, рогачилно, надовбень, куришка)*. Однако диахронический анализ этого вариантного ряда показывает, что «неупорядоченными» эти замены компонента *огарок* назвать нельзя. Все эти лексемы, как кажется, первоначально были тематически близки друг другу, поскольку могли обозначать плохо горящий, чадающий источник света — в отличие от яркой свечи. Разумеется, современные значения слов *кочерга*, *рогачилно*, *надовбень* уже далеки от наименования источника света: железная кочерга, например, никак не ассоциируется с последним. Народные говоры, однако, сохраняют древнейшее значение слова *кочерга* — «деревянная палка, клюка»: по материалам картотеки «Словаря русских народных говоров» (словарный сектор ЛО Института языкознания АН СССР) оно зафиксировано в рязанских, ярославских, уральских и других русских диалектах. Обозначение деревянной реалии подчеркивают для этого слова и этимологи, связывающие его с лексемами *корень*, *коряга*, *кочера*, *кокора* и под.³ Значение

¹ Подробное описание вариаций этой пословицы см.: Л. Г. Скрипник, Видозміни форми фразеологічних одиниць, «Мовознавство», 1969, 4.

² Ср.: Н. В. Коссева: Фразеологизмы, включающие в свой состав отрицание, «Вопросы семантики фразеологических единиц», ч. 1, Новгород, 1971, стр. 51—54.

³ Н. М. Шанский, Слова с приставкой *ко-* и ее алломорфами в русском языке, «Этимологические исследования по русскому языку», VII, М., 1972, стр. 208—209.

«деревянная палка» (ср. *лучина*) делает оправданной лексическую замену *огарок — кочерга*. Привлечение других славянских ФЕ, образованных по данной модели (русс. диалектн. *ни богу свечка, ни черту огарыш, ни богу свечка, ни черту ожег*; белорусск. *ні богу свечка, ні чорту галавешка*; польск. *ni Bogu świeczki, ni diabłu ożoga*, чеш. *i bohu svěčku i čertu oharek* и под.), показывает, что в основе их лежит противопоставление «свеча: обгорелая головешка». Именно такую этнографическую расшифровку польского оборота *ani Bogu świeczki, ni diabłu ożoga* предлагает Ю. Кржижановский⁴.

Разумеется, с забвением исходной мотивировки второго компонента тематические возможности его замены могут расширяться: так, слово *ладан*, обозначающее реалию, горящую «для бога», становится (но надо подчеркнуть, что в рамках общего противопоставления «хороший источник света: плохой источник света») наименованием источника света «для черта». Тем не менее такие замены нельзя назвать «неупорядоченными»: они продолжают регулироваться тематической общностью компонентов, которая является одной из причин моделируемости ФЕ в диахроническом плане.

Тематическое единство компонентов, как кажется, — необходимое условие диагностирования лексической вариативности ФЕ. За пределами этого единства кончается фразеологический вариант и начинается фразеологический синоним.

Лексикографический опыт автора наиболее ярко проявился в разделах, посвященных синонимии и полисемии украинской фразеологии. Л. Г. Скрипник тонко определяет значение ФЕ и выявляет их иерархию, дает исчерпывающе полные сводки синонимических рядов (см., например, стр. 218—219). Основой для группировки ФЕ в синонимические ряды служит их предметно-понятийная близость, но учитываются и стилистические характеристики.

Л. Г. Скрипник убедительно показывает малый удельный вес многозначных ФЕ в украинской фразеологии: по ее подсчетам, из 2990 ФЕ, зафиксированных в трех первых томах «Словника української мови», лишь 188 многозначны (стр. 206). Л. Г. Скрипник вслед за М. И. Сидоренко видит причины этого явления в специфике природы значения ФЕ (метафоричности, высокой степени абстракции) и ограниченности их употребления как образно-экспрессивных характеристик предметов или действий (стр. 207). Число многозначных украинских ФЕ, как кажется, можно еще более сократить: к последним

ошибочно причисляются и случаи, когда семантическая структура сочетания включает лишь прямое и образное его значение (например, *Не помажеш — не поїдеш* «буквально о вове, а образно о всякой протекции» — стр. 193; *віддавати кінці* «отвязывать канаты при швартовке судна» и «быстро уезжать откуда-нибудь» — стр. 194—195). При диагностировании фразеологической полисемии, как кажется, необходимо отвлекаться от прямого значения сочетания, ставшего его основой. В противном случае подавляющее большинство ФЕ можно было бы назвать многозначными.

Исторический анализ восточнославянской фразеологии все еще делает первые шаги, что резко контрастирует с ее основательной изученностью в синхронном плане. Л. Г. Скрипник постоянно подчеркивает необходимость обращения к исторической фразеологии (стр. 274), пытаясь найти в сфере первоначального употребления устойчивых сочетаний или в тематической группировке их стержневого компонента их генетические истоки.

Такой подход, в свое время успешно примененный при историческом анализе английской фразеологии Л. Смитом и польской — С. Скорушкой, во многих случаях, действительно, приближает к этимологическим решениям. Так, исключительно скрупулезная и детализованная классификация украинской фразеологии, восходящей к профессиональным терминам (стр. 159—172), нередко оказывается и диагностикой первичной мотивировки сочетания.

Установление исходной мотивировки ФЕ, однако, далеко не всегда тождественно определению сферы ее употребления. И не только потому, что последняя может быть весьма мобильной и распливающей. Чисто языковые факторы могут значительно изменить первоначальное содержание сочетания, грамматическая и лексическая вариантность — полностью преобразовать его исходную форму. Вот почему чисто лингвистический анализ, как кажется, должен предшествовать предметно-тематическому распределению фразеологии и ее классификации по сферам употребления. Л. Г. Скрипник подчеркивает необходимость учета семантической и структурно-грамматической эволюции ФЕ при определении их источника (стр. 185). Однако при конкретно-этимологическом анализе этнографическим и историческим фактам неизменно отдается предпочтение, что, как кажется, приводит к односторонней трактовке ФЕ. Так, происхождение ФЕ *дати (пам'яткового) прочухана*, употребляющегося в современном языке в значении «побить, поколотить кого-н.», прямо связывается с хорошо известным обрядом сечения на меже для «запоминания» полевых границ (стр. 157—158). Этот обряд, действительно, хорошо известен и описан русскими

⁴ J. K r z y ż a n o w s k i, *Mądrej głowie dość dwie słowie*, I, Warszawa, 1958, стр. 87—88.

и украинскими этнографами⁵. С этимологической точки зрения, однако, эта «этнографическая специализация» — вторичное, а не первичное явление. Исходным значением этой ФЕ было, по-видимому, «бить, колотить», характерное и для его современного употребления. Слово *прочухан* образовано от глагола *чухати* «скрести, чесать», переосмысленного как «бить, сечь розгами» (ср. русск. *дать чесу* «побить»⁶). ФЕ же *дати прочухана* можно рассматривать как одно из перифрастических развертываний глаголов со значением «бить, колотить», образованное по активной фразеологической модели *дати + «удар»* (ср. укр. *дати ляца, ляпаса, нагинки, нагоняй*; русск. *дать порки, туза, вбучки, дрючки* и мн. др.). Не расширение «обрядового» значения, а, наоборот, этнографическая специализация более широкого исходного значения — таков результат чисто лингвистического подхода к этимологии этой ФЕ. Примерно такого же рода констатация характерна и для «отнесения оборота *дати (асипати) берегової каші* (стр. 170—171) к ФЕ «школьного происхождения». Она опровергается славянскими параллелями, не имеющими столь конкретного ограничения сферы употребления; ср. русск. *узнаешь вкус береговой кашки*⁷, белорусск. *даваць, даць бярозавай кашы «высечь розгами»*⁸, польск. *daj jej rózgi, ale brzo-zowego*, чеш. *poslat pana Březovce na někoho* и др.

Стремление к этнографической трактовке исходного значения ФЕ в книге Л. Г. Скрипник — это, вероятно, дань вековой традиции историко-этнографического подхода к фразеологии, ведущего свое начало от С. Максимова (ср., например, констатацию «чиновничьего» проис-

хождения пословицы *Дороге ячкю к великодню* — стр. 157). В исторической фразеологии, однако, давно уже назрела необходимость строго разграничить сферу употребления ФЕ от собственно лингвистических факторов их образования. Такое разграничение дает возможность сделать лингвистическую аргументацию необходимой предпосылкой для выбора той или иной этнографической версии⁹.

Необходимо в то же время подчеркнуть, что общая неразработанность методики исторического анализа фразеологии оправдывает принятое Л. Г. Скрипник ограничение этого анализа рамками сферы употребления фразеологических рядов. Тщательное распределение украинской фразеологии по этому принципу дает историю фразеологии ценный материал, предварительная интерпретация которого уже сделана. Эта интерпретация, как правило, опирается на высказанные прежде этимологические гипотезы. Отдельные лакуны в этом отношении (например, ФЕ *ні в зуб* «из учебного аргю» при наличии убедительной гипотезы Б. А. Ларина о его «помещичьем» происхождении¹⁰ или констатация «общеславянского» характера оборота *мати зуб на кого* — стр. 149 при известном предположении о его калькировании с франц. *avoir une dent sur qn.*¹¹) редки.

Исследование Л. Г. Скрипник дает хороший стимул для дискуссий по отдельным теоретическим и практическим проблемам. Некоторые взгляды на эти проблемы, возможно, со временем изменятся. Но богатый фактический материал монографии, обработанный опытным лексикографом, несомненно, останется ценным источником будущих исследований по восточнославянской фразеологии.

В. М. Мокиенко

⁵ См.: М. Кулишер, *Межевые обды прежних времен*, «Вестник Европы», 1886, июнь, стр. 615—616; И. И. Иллустров, *Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках*, 3-е изд., М., 1915, стр. 185 и др.

⁶ В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, IV, М., 1955, стр. 598.

⁷ Там же, II, стр. 100.

⁸ Г. Ф. Юрчанка, *I коціца і валица*, Мінск, 1972, стр. 162.

⁹ Подробнее об этом. см. в нашей статье «Историческая фразеология: этнография или лингвистика?», ВЯ, 1973, 2.

¹⁰ Б. А. Ларин, *Очерки по фразеологии*, «Уч. зап. ЛГУ», 193. Серия филол. наук, 24, 1956, стр. 211.

¹¹ Н. М. Шанский, *Лексикология современного русского языка*, М., 1972, стр. 240.

«Revista española de lingüística». Organó de la Sociedad española de lingüística. Año 1, fasc. 1, enero — junio 1971. 210 стр.

В 1971 г. вышла в свет первая тетрадь нового испанского языковедческого журнала «Revista española de lingüística». Периодичность, публикации — две тетради в год. Журнал является органом вновь образованного «Испанского линг-

вистического общества» («Sociedad española de lingüística»), задачи которого его создатели (miembros fundadores «члены-учредители») формулируют следующим образом: а) содействовать развитию лингвистических исследований в аспекте об-